

Людмила Котлярова Владимир Гурвич ЗАГАДКА БОМАРШЕ

Глава 1

Когда после репетиции они почти всей труппой направились в ресторан, чтобы отметить начало работы над пьесой, Феоктистов твердо решил для себя, что пить не будет. Ну, так, пропустит один стаканчик, от силы два. А что еще прикажите делать, если судьба забросила тебя в этот паршивый, грязный, как давно не мытый подъезд, город. И первые полчаса он соблюдал этот обет. Но затем он уже не помнил, кто его уговорил опрокинуть за успех начинания еще одну рюмку. За ней почти сразу же последовала следующая. Ну, а затем они пошли чередой, одна за другой, как солдатский строй. В какой-то момент его сознание отключилось. Такое с ним бывало неоднократно. Вот он и дал однажды себе зарок не злоупотреблять количеством, а так же по возможности употреблять не самые крепкие и только качественные напитки, продегустировать и на этом закончить. Но, судя по всему, на этот раз не получилось.

Сознание Феоктистова постепенно стало выходить из темноты забвения и толчками

возвращаться в реальный мир. Но пока как-то скупое, фрагментарно. Он сосредоточился на том, что происходит вокруг. Кажется, он в каком-то здании. Кажется, он куда-то идет. И, кажется, не один, кто-то держит его за плечо.

Не без труда он повернул голову, это стоило ему сильного болевого шока, который, казалось, разорвал его мозг на части. Но, все же он сумел разглядеть, что рядом с ним семенит какая-то женщина. Кто она? Что делает тут? Надо немедленно выяснить, мало ли что, вдруг, она оставит его без денег, не без труда прорезалась едва ли не первая за последние часы мысль.

— Куда ты меня тащишь? Я тебя спрашиваю, куда ты меня, наглая дура, тащишь? Отстань, я туда не хочу. И вообще, я тебя даже и не знаю. Ты не имеешь право со мной так обращаться, — закричал он, не сумев отрегулировать тембр своего голоса.

— Тише, тише, Константин Вадимович, вы постояльцев разбудите. Уже очень поздно. Все спят, — услышал он в ответ женский голос.

— Каких еще таких постояльцев. Не знаю, я никаких постояльцев. И плевать мне на них с высокой лестницы. Я хочу делать то, что хочу. Это мое кредо. Тебе, женщина, известно, что такое «кредо?» Вот я сейчас буду петь.

Феоктистов затянул первую же пришедшую ему на ум мелодию.

— Вы с ума сошли, сейчас все проснутся и сбегутся сюда, — услышал он все тот же, только на этот раз испуганный голос. — Вас заберут в милицию за буйство. Я очень прошу вас, не шумите.

— Буду шуметь, никто не имеет право мне запрещать шуметь. А уж не тебе, женщина меня учить. Да кто ты такая, откуда взялась. Я тебя не знаю, вижу в первый раз. Ты очень некрасива, просто уродлива. Сгинь!

Феоктистов сделал жест, который должен быть означать, чтобы эта женщина немедленно бы исчезла. Однако она никуда не исчезла, этот вывод он сделал на основе того, что снова услышал уже знакомый голос.

— Подождите минутку, мы почти совсем уже пришли. Вот ваш номер. Где ключ от него? В кармане?

— Понятия не имею, где ключ. Я не хочу ни в какой номер. — Внезапно он ощутил в кармане пиджака чужую руку. — Ты куда полезла, это мой карман. У тебя нет никаких прав лезть в него. Я обращусь в полицию, пусть тебя возьмут за воровство. Там деньги, много денег. Ты столько никогда и не видела. Теперь я понимаю, кто ты. Ты — воровка. Хочешь меня обворовать.

Но вместо ответа на этот раз послышался лязг замка. Женщина слегка подтолкнула Феоктистова в

спину, но этого было достаточно, чтобы он буквально влетел в номер, едва удержавшись на ногах.

— Слава богу, вы в номере, — облегченно вздохнул все тот же голос. — Вам лучше всего сейчас же лечь спать.

Феоктистов посмотрел на нее. Лицо женщины расплывалось в его глазах, и он никак не мог даже определить, молодая она или не очень, красивая или уродливая. Решив, что в данный момент не имеет никакого значения, он плюхнулся на стул.

— Не хочу спать, я в отличной форме. Послушай, а ты не проститутка? В гостиницах околачивается всегда много вашего брата. Вернее, сестры. Ну, не важно. Я хочу заняться с тобой любовью. У тебя какой тариф? Учитывая, что ты страшна, как смерть, или даже еще страшней, ты должна стоить не дорого. — Феоктистов извлек из кармана мятую купюру, и даже не посмотрев на ее достоинство, протянул бумажку женщине. — Надеюсь, этого довольно. Или у тебя хватит наглости содрать с меня больше. Надо еще посмотреть, что ты за профессионалка. А вдруг любительница. Я терпеть не могу любительниц. Раздевайся.

Предложение Феоктистова, по крайней мере, внешне не вызвало у нее возмущения. Ее голос звучал все так же спокойно.

— Я не проститутка, я — актриса. Поэтому положите деньги на место.

У Феоктистова вдруг родилось сильное желание обидеть ее.

— А разве это не одно и то же. Всегда было одно и то же. Если не хочешь за деньги, что же тебе тогда надо?

— Ничего не надо, хочу только, чтобы вы легли спать. Хотите, я помогу вам раздеться?

— Мне, раздеться? — почему-то удивился он. — Так кто же тогда из нас проститутка я или ты? А, впрочем, можно начинать и с этого. Так, ты хочешь, чтобы я разделся?

— Я хочу, чтобы вы легли спать. Завтра, когда вы протрезвеете, вам будет стыдно за все вами сказанное.

— Мне никогда не бывает стыдно, ни за что, — возразил он. — Стыд — сродни глупости, это удел неполноценных, таких, как ты. От тебя за сто верст несет неполноценностью. О, я знаю ты кто, ты — мышка. Ты такая незаметная, что я тебя до сих пор не заметил. Ты говоришь, что ты актриса?

— В два часа ночи это не имеет никакого значения. У вас завтра в девять часов репетиция, если вы сейчас не ляжете, вы не встанете.

— Тебе-то что за дело, — пожал он плечами, развязывая галстук. — Ну, не лягу, ну не встану,

мир что ли обвалится, земля распадется на части? О, какая глупая баба, я понял тебя, ты всего боишься. А вот мне на все наплевать. А что мы будем репетировать?

— Вашу пьесу.

— А, мою пьесу. Ты что там играешь?

— Да, играю.

— И что у тебя за роль? Бабы яги, наверное.

— Сейчас это не имеет значения. Позвольте, я вам помогу раздеться. Если вы уляжетесь в costume, завтра он будет мятым. А я все аккуратно развешу.

Феоктистов пристально посмотрел на нее, но сознание его еще было в тумане, и он никак не мог по-настоящему ее разглядеть. Он лишь чувствовал, что она какая-то странная. Может, дура.

— Я понял, ты — извращенка. У тебя странное извращение, ты любишь раздевать мужчин.

— Вы правильно догадались, это мое любимое занятие. А потому не мешайте мне вас раздевать. Лучше помогите.

— И что же я должен, по-твоему, сделать?

— Для начала вытянуть вперед руки, чтобы я сняла пиджак. Давайте, будьте умницей, вытягивайте.

Неожиданно для себя Феоктистов послушно вытянул вперед руки, а женщина быстро и ловко

сняла с него пиджак.

— Молодец, — похвалила она его. — Теперь, то же самое сделайте и с ногами.

— Брюки, ни за что, — вдруг заерепенился он. — Они скрывают самое ценное из того, что есть у меня. Я никому это не показываю без необходимости. И тебе тоже. А вдруг сглазишь.

— Не говорите глупости. Лучше вытяните ноги.

И снова Феоктистов послушно вытянул, только на этот раз ноги, женщина сняла ботинки, затем попыталась расстегнуть брюки, но тут он вдруг стал вырываться.

— Ты хочешь меня изнасиловать. Я не желаю с тобой заниматься любовью. Ты не красива. Ты — просто уродина!

— Да, я уродина, — невозмутимо согласилась она, — и вам нет смысла волноваться, никто на вашу невинность не покушается.

Феоктистов вдруг рассмеялся.

— Ой, уморила. Да, знаешь, сколько у меня было женщин. Больше чем у тебя волос на голове. Меня бабы просто обожают.

— Я рада за вас. Только сейчас вам лучше всего спать.

Женщина склонилась над ним и ловко избавила его от брюк. Он даже не успел вовремя выступить с протестом. Но, оставшись без одежды,

он неожиданно рассердился.

— Кто тебе разрешил снимать с меня брюки, извращенка. И что ты ко мне приклеилась, как жвачка к скамейке. Думаешь, я замолвлю словечко, и тебе дадут хорошую роль? Фигу. — Для большей убедительности он, в самом деле, показал фигу. — С такой рожей только прокаженных играть. В следующий раз я напишу пьесу, где действие происходит в лепрозории. Вот в ней у тебя точно будет роль главной прокаженной.

Сказав этот короткий спитч, Феоктистов вдруг встал, сделал несколько шагов, но неожиданно стал падать. Женщина лишь в последний момент успела его перехватить.

— Вам нельзя так много пить, Константин Вадимович, — с укоризной сказала она.

Но Феоктистову уже было не до разговоров с ней, им овладела непреодолимая сонливость. В ответ лишь хватило сил только что-то промычать. С ее помощью он дотащился до кровати и кулем упал на нее.

И все же силы на последнюю реплику у него еще оставались.

— Сгинь сатана! Что хочу, то и делаю, никто мне не указ.

Через несколько секунд Феоктистов уже громко храпел.

Глава 2

Было еще раннее утро, когда Феоктистов проснулся. Ему понадобилось какое-то время, чтобы осознать, где он лежит. Внезапно он ощутил сильную жажду. Вставать жутко не хотелось, но и терпеть ее он не мог. Не без усилий Феоктистов сполз с кровати, и нетвердой походкой направился к столу. Так как в номере было еще темно, пришлось шарить в поисках графина по нему руками.

Но графина на столе не оказалось. Это моментально вывело Феоктистова из себя.

— Черт побери! Есть в этом паршивом номере хоть капля воды! Хотя бы одна капля! — Со всего размаха его кулак опустился на стол. Не удержавшись на ногах, он полетел в кресло, в котором примостилась на ночь Аркашова. Когда на нее упало тяжелое мужское тело, она закричала.

Ничего не понимающий Феоктистов вскочил на ноги и уставился на женщину.

— Вы, вы кто? Горничная? Да как вы смеее тут находиться! Что за порядки в вашей гостинице! Я буду жаловаться!

— Доброе утро, Константин Вадимович, — уже спокойным тоном ответила Аркашова. — Я не горничная. Я актриса. Актриса театра, в котором вы будете ставить свою пьесу. И сегодня в девять

часов у нас первая репетиция. Пожалуйста, не опаздывайте. А я с вашего разрешения пойду.

Аркашова встала и направилась к двери. Феоктистов несколько мгновений ошеломленно смотрел ей вслед. Внезапно он закричал:

— Подождите, актриса, или как вас там! А почему вы оказались ночью в моем номере?

Аркашова остановилась, повернулась к нему.

— Спасала вашу репутацию, — с глубоко скрытой насмешкой ответила она. — Неужели вы ничего не помните?

— У меня не бывает провалов в памяти, даже когда я в стельку пьян. А если я вчера и перебрал, то совсем не много. Во всяком случае, не настолько, чтобы ничего не помнить.

— Я вас прекрасно понимаю, Константин Вадимович. Очень удобная позиция все отрицать. Даже такие очевидные вещи, как вчерашний день.

Феоктистов наморщил лоб, пытаясь то ли что-то вспомнить, то ли что-то, наконец, понять.

— Откуда вам известно мое имя? Вы что рылись в моих документах?

Феоктистов устремился к Аркашовой и схватил ее за руку.

— Стойте! Я сейчас вызову администрацию. Пусть они с вами разберутся, выяснят, что вы за актриса такая!

Вместо ответа Аркашова вырвала из его

клешни руку, достала удостоверение из сумочки и протянула его Феоктистову.

— Что это вы мне тут суете, что это за бумажонка? — грубо проговорил Феоктистов.

— Пропуск в театр, — пояснила женщина. — Вам должны были оформить такой же. Сравните.

Феоктистов поднес пропуск к глазам.

— Аркашова Елизавета Петровна, — прочитал он. — Да, действительно. Извините. Так вы, Елизавета Петровна, утверждаете, что спасали мою репутацию? Позвольте вас спросить, каким образом? И почему для этого вам потребовалось провести ночь в моем номере?

— Неужели вы ничего не помните?

— Помню. — Феоктистов напряг память. Но это не помогло, она ему так ничего и не сообщила. — Нет, ничего не помню, — вынужден был констатировать он.

— Вчера вам был представлен весь актерский состав, задействованный в вашей пьесе. Дальше это приятное знакомство, как у нас водится, было продолжено в ресторане в неформальной обстановке.

— Я это прекрасно помню. Только причем тут моя репутация? Неужели я устроил скандал в ресторане?

— Если не считать пары стульев, брошенных в официанта, и нецензурной брани, то в остальном,

можно считать, вы вели себя почти безупречно.

— Что значит почти? — возмутился Феоктистов — На что вы намекаете? Уж не хотите ли вы сказать, что я еще и приставал к вам?

— Приставали, приставали. И в очень откровенной форме.

— Надеюсь, вы мне ничего такого не позволили?

— Позволила.

— То есть?

— А что вас так удивляет?

Феоктистов неожиданно для себя почувствовал некоторое смущение. В своей жизни ему доводилось приставать к немалому количеству женщин, но почему-то ему не хотелось, чтобы эта женщина вошла бы в их число. Хотя с другой стороны, какая, в сущности, разница.

— Ну, ведь вы не могли не видеть, что я смертельно пьян. Зачем вам это? Хотя вы, очевидно, хотите роль в моей пьесе?

— В вашей пьесе я уже имею роль. Но если следовать вашей логике, то для этого мне надо было бы снимать штаны не с вас, а с режиссера театра.

— И что вам это удалось? — вдруг с проснувшимся интересом к теме спросил он.

— Нет, они на нем очень крепко держатся, в отличие от ваших. Когда же вы их наденете,

наконец!

Только сейчас Феоктистов вспомнил, что стоит перед женщиной в трусах и майке. Он стал суетливо натягивать штаны и рубашку.

— Зачем же вы тогда меня раздели? — спросил он.

— А что вас смущает в данной ситуации? — пожала она плечами.

— Ну, вы теперь, очевидно, будете на что-то рассчитывать. А вы, знаете ли, совершенно не в моем вкусе.

— Да успокойтесь вы. Вчера я вам позволила лишь оскорбительные намеки и слова в свой адрес, не больше.

Феоктистов облегченно вздохнул.

— А я ведь вам поверил. Вы были очень убедительны в своей лжи. Наверное, вы неплохая актриса. А вы действительно будете играть в моей пьесе? Или вы меня опять разыгрываете?

— Простите мне этот невинный розыгрыш. Это вам маленькая месть за вчерашнее.

— А что, я вчера на самом деле был настолько плох?

— Плохи вы были или хороши, это уже не имеет никакого значения. В настоящий момент важно только то, что у нас через час репетиция. А вам надо еще привести себя в порядок, позавтракать и добраться до театра.

— Я после таких бурных застолий не завтракаю, — пояснил он. — Во рту так противно, что ничего не лезет.

— А я вообще никогда не завтракаю.

— В таком случае разрешите мне проводить вас до театра. Заодно вы мне покажете дорогу. Я еще плохо ориентируюсь в вашем городе.

Глава 3

Был уже вечер, когда измученный Феоктистов ввалился в свой номер гостиницы. Им владело такое сильное раздражение, что он не знал, что с ним делать и как выразить его, чтобы хотя бы немного ослабить напряжение внутри себя. Все было не просто плохо, а отвратительно. Театр ему совершенно не понравился, артисты были какие-то все вялые, словно перед этим целую ночь разгружали вагоны или кутили в режиме non-stop. Режиссер какой-то тоже невнятный, и кажется, после попойки. По крайней мере, Феоктистову показалось, что он даже по-настоящему не познакомился с пьесой. Так, пробежал ее по диагонали. То, что он нес по ее поводу, вызвало у Феоктистова такую злость, что он с трудом удержался, чтобы не послать его в нокаут. Такое однажды с ним случилось, правда, в самом начале карьеры. Постановщик так исказил, а скорее

изгадил его первое произведение, что он набросился на него сразу после премьеры. Завязалась настоящая потасовка, которую пришлось разнимать тем, кто находился рядом. Вот и сейчас его снова посетило то же самое желание. В какой-то момент Феоктистов ясно понял, что ничего хорошего из его приезда сюда не вылупится, здесь совсем не тот уровень — типичная убогая российская глубинка.

Когда он вырвался из театра, то отправился на прогулку по городу. И она подтвердила уже возникшую ранее у него мысль, что он напрасно сюда приехал. Город оказался невероятно запущенный; некогда он был красив, о чем свидетельствовали остатки когда-то роскошных фасадов зданий. Но это было давно, в последнее же время за ними явно никто не следил, все обветшало так, что могло в любой момент обвалиться прямо на головы прохожих, а что еще каким-то чудом сохранилось, грозило исчезнуть в самом ближайшем будущем.

Ему стало одновременно тошно и грустно, этот город напоминал его жизнь, которая так же обвалилась, как фасады многих зданий, мимо которых он проходил. И символично, что он оказался именно в этом, а не в другом населенном пункте. Здесь время явно остановилось, у него — тоже, они с этим городом побратимы, вот потому и

оказались вместе.

Потом Феоктистов стал думать, что эти его мысли — классический мазохизм, что ими он, словно раскаленным прутком, ковыряет свою душевную рану, от чего она болит только сильнее. А ему это как раз и надо; как ни странно, но в каком-то извращенном смысле становится даже легче. Он упивается своими несчастьями и неудачами, как когда-то упивался своим счастьем и успехами. Плюс сменился на минус, а все остальное осталось неизменным.

Он пообедал в кафе. Еда оказалась на удивление вкусной, что на какое-то время несколько улучшило его настроение, но ненадолго. Он снова стал бродить по улицам, возле одной полуразрушенной, но действующей церкви остановился, затем зашел внутрь.

Верующих было немного, горели свечи, с икон укоризненно глядели лики святых. К Богу он всю жизнь относился равнодушно, он и верил и не верил; за прожитые годы Феоктистов так и не удосужился выработать четкую позицию по этому вопросу. Было много других более важных и интересных дел. А это, считал Феоктистов, могло и подождать своего часа. Но сейчас он вдруг поймал себя на мысли: а не наступает ли момент, когда надо что-то для себя решить? Или еще можно отложить решение до лучших времен? Но не будет

ли потом совсем поздно?

Так и не решив вопрос, Феоктистов вышел из церкви. Больше блуждать по городу не хотелось, он видел достаточно, чтобы окончательно осознать, что совершил ошибку со своим приездом сюда. Поставили бы пьесу и без драматурга; когда он покинет сей мир, кто будет приезжать от его имени? Хотя большая вероятность, что после его смерти его творения тоже умрут. О них забудут, как о потерянном носовом платке.

Настроение окончательно испортилось, он зашел в магазин, купил бутылку водки. И сейчас, оказавшись в номере, его охватило непреодолимое желание поскорей напиться и тем самым забыться. Феоктистов плюхнулся в кресло, достал из портфеля свою покупку. Затем огляделся в поисках стакана. Но нигде его не обнаружил.

— Что за паршивая гостиница, даже стакана нет, — раздраженно буркнул он. — Что я должен из горла хлестать эту гадость? Город дрянь, театрик дрянь, актеришки дрянь. Повсюду одна дрянь. Кормят тоже дрянь. — Это было не правдой, поел в кафе он хорошо, но сказать иначе в силу набранной отрицательной инерции он уже не мог. — Феоктистов откупорил бутылку и прямо из горлышка сделал большой глоток. — А вот водка не дрянь, водка мерзость. А это хуже, чем дрянь, Или дрянь, хуже, чем мерзость. Никак не разберу. И

зачем я только сюда приехал. В этом нет никакого смысла, — пошло его сознание по второму кругу. — Ну, поставят эти идиоты мою пьесу, кто об этом узнает? Надо завтра же и смываться. Ну, их к чертовой матери. В городе, где такая мерзкая водка, нормальному человеку нечего делать. Итак, решено, уезжаю. Узнать только надо, когда поезд?

Феоктистов хотел уже звонить на вокзал, когда раздался стук в дверь. Кого там еще принесло? — недовольно подумал он.

— Входите! — громко и раздраженно крикнул он.

Дверь отворилась, и в номер вошла Аркашова. Феоктистов пристально посмотрел на нее. Лицо было знакомое, но где он ее видел, не помнил.

— Я вас где-то видел, — произнес он. — Да вы же артисточка, — внезапно вспомнил Феоктистов. — Та, что ко мне приставала. Хотите продолжить?

— Извините, за вторжение, но я потеряла кошелек. А там последние деньги.

— Вы думаете, что это я украл?

— Я везде искала. Вы — последняя надежда. До зарплаты еще больше недели, а у меня больше денег нет.

— Вы хотите проверить мои карманы, нет ли у меня вашего кошелька? — Феоктистов демонстративно вывернул карманы. — Как видите,

кошелек нет. Так что можете уходить. Я хочу побыть один. У меня великая тоска.

Взгляд Аркашовой уперся в стоящую на столе бутылку.

— Кошелек мог куда-нибудь закатиться, можно я поищу.

— И много было там денег?

— Нет, всего 300 рублей.

— Ищите, где хотите. Даже в унитазе, — сделал широкий жест Феоктистов.

— Спасибо, вы очень добры.

Поиски продолжались минут двадцать, но не принесли никаких позитивных результатов. Грустно вздохнув, она посмотрела на Феоктистова.

— Извините, но видно я потеряла кошелек в другом месте. Я пойду. Спокойной ночи.

Аркашова направилась к двери.

— Пойдите! — остановил ее Феоктистов. — Вы сказали, что это у вас последние деньги.

Аркашова, не дойдя до двери несколько шагов, остановилась и посмотрела на Феоктистова.

— Да. Но вы не беспокойтесь, я выкручусь. Я привыкла, что у меня деньги кончаются задолго до дня зарплаты. В этот раз закончатся на несколько дней раньше. Только и всего.

— А как же вы живете? Что едите?

— О, этим все в порядке, у меня целый погреб забит картошкой. У меня свой огород, мои урожаи

считаются в городе самыми высокими. Ко мне даже приходят учиться, как выращивать картофель. Но у них все равно почему-то так не получается. До свидания.

— Да подождите вы. А почему у них так не получается?

— Не знаю. Просто не получается.

— Вы что знаете секреты?

— Я ж сказала: не знаю.

— Но неужели вы будете есть одну картошку?

— Но почему одну, у меня есть немного сала.

— И все?

— И все.

— И вам нравится такая жизнь?

— В общем, да.

— Ничего не понимаю. Это же кошмар, целую неделю жрать одну картошку. Лучше уж удавиться.

— Не лучше. Лучше есть картошку.

— Вы странная женщина. Может вы не совсем нормальная. Да на кой сдался вам этот театр? Какую роль вы получили в моей пьесе? Кажется, там всего несколько десятков слов.

— Что делать, я актриса второго плана. Я знаю свой шесток.

— Что вы знаете? — не понял Феоктистов.

— Свой шесток, — повторила Аркашова.

— То есть, вы знаете, что вы плохая актриса — и вас это не колышет.

— Это не так, я неплохая актриса. Просто я актриса второго плана. Должны же быть актеры второго плана. Не могут же быть все звезды. У каждого в жизни свое место. Я знаю свое место. Только и всего.

Феоктистов несколько секунд задумчиво молчал.

— Может, вы блаженная?

— Не блаженная.

— А какая?

— Такая, какая есть.

— А какая вы есть? Почему вы не отвечаете? — спросил Феоктистов, не дождавшись ответа.

— Мне кажется, этот разговор бессмысленный. Я пойду. В вашем номере нет моего кошелька.

— А какой был у вас кошелек? Вдруг я его случайно найду.

Аркашова достала из сумки и показывала ему кошелек.

— Вот такой кошелек. У меня их два — один для денег, другой для трамвайных талонов. Я не первый раз теряю кошелек, вот и решила деньги и талоны носить в разных кошельках. Тогда хоть что-то остается. А то если потеряю сразу все, придется пешком идти домой. А это далеко, я живу на окраине.

— А что нельзя проехать разок бесплатно?

— Я пробовала, не получается.

— Что значит, не получается?

— Мне стыдно ехать бесплатно.

— Вы уверены, что вы абсолютно нормальны?

— Я надеюсь на это. А сейчас мне пора идти.

Пешком — это почти час.

Аркашова вышла из номера так стремительно, что Феоктистов только и успел проводить ее глазами.

Надо было этой дуре дать денег на трамвай, мелькнула мысль. А ведь, правда, пешком попрется домой. С не станет. А, впрочем, черт с ней.

Глава 4

Аркашова сидела за столом и читала книгу. После обеда в желудке урчало, таким образом, он выражал недовольство от полученной скудной пищи. Но она старалась не обращать на него внимания; пусть привыкает, все к тому идет, что дальше будет еще хуже. Да и вообще воздержание еще никому не вредило. А вот переедание погубило не только много фигур, но и самих их обладателей. У нее, слава богу, она сохраняется стройной. А в ее работе это даже совсем не лишнее.

Раздавшийся звонок в дверь заставил ее

вздрагнуть. Кто это может быть, недовольно подумала Аркашова. Она никого не ждет. Да особенно и не желает кого-то видеть.

— Входите, не заперто, — громко произнесла она.

Когда Аркашова увидела, кто к ней пожаловал, от изумления она даже привстала. В комнату вошел Феоктистов.

— Добрый вечер. Извините за вторжение. Вот, случайно нашел у себя в номере. Кажется, это ваш. Посмотрите.

Феоктистов положил перед ней на стол кошелек. Аркашова молча взяла его в руки и стала пересчитывать деньги. Затем положила кошелек обратно.

— Что-то не так? — спросил Феоктистов, не дождавшись от нее никакой реакции.

В ответ было только молчание.

— Эй, я вас спрашиваю, — теряя терпение, произнес он. — Там, что не хватает денег?

— Там на 200 рублей больше, — ответила женщина.

— И что? Да вы просто не помните, сколько там было.

— Я всегда знаю, сколько денег в моем кошельке. Я всегда помню, какой сегодня день, какой месяц, какой год. Я никогда, ни при каких обстоятельствах не выпадаю ни из времени, ни из

пространства.

— А я, знаете ли, часто выпадаю и из времени и из пространства. И еще бог знает из скольких вещей. А способствуют этому как раз те самые пресловутые обстоятельства. Ваш город, например. Давно не был в такой дыре. Но знаете, иногда так тяжело выпадать одному. Я предлагаю вам изменить своим правилам хотя бы один раз. Сделайте это со мной.

Феоктистов стал доставать из пластикового пакета бутылку водки, закуски. После чего, занялся откупориванием пробки. Успешно завершив это деяние, взглянул на Аркашову, которая беззвучно и, как показалось ему, даже безучастно наблюдала за ним.

— Что вы сидите, как мумия. Несите рюмки, — приказал Феоктистов.

Аркашова встала и принесла одну рюмку.

— Почему одна рюмка? — удивился он.

— Я не пью, — пояснила она.

Феоктистов пожал плечами.

— Как хотите. А мне не привыкать пить одному.

Феоктистов налил себе рюмку, быстро выпил. Затем секунду подумав, сделал это по второму разу.

— А почему вы не берете кошелек?

— Это не мой кошелек.

— И не мой тоже. Я специально купил его для

вас. Это мне ничего не стоит. Как и сумма денег, которая в нем. Так, что берите, не стесняйтесь.

— Я чужих денег не беру.

— Ну и глупо, — скривился он, — а я вот беру. Чужие деньги, чужие женщины, чужие мысли. Все сгодится. Я не брезгливый. — Он снова налил рюмку и выпил. — Но главное это отнюдь не взять. Главное, как всем этим распорядиться впоследствии. Вы даже не в состоянии понять, насколько увлекательна эта игра. Иногда в чьих-то, вроде бы совершенно никчемных мыслях, таится такая глубина, такой потенциал, о котором средненький человек, вроде вас, даже не подозревает. А я легко и непринужденно кладу эту мысль в карман, утаиваю ее до поры. А в нужный момент, как фокусник, вытаскиваю ее на свет божий в совершенно обновленном виде. И вы думаете, кто-нибудь хоть раз догадался, что мысль не моя? Никто и ни разу. Потому что именно я придал ей тот изумительный блеск, ту широту и многогранность, которой изначально не существовало и в помине. На то я и Творец! Великий преобразователь мира идей. — Феоктистов снова налил и снова выпил. Затем неожиданно помахал рукой перед носом Аркашовой. — А, зачем я вам все это говорю. Вам, жалким актеришкам, только и остается, что, как глупым попугаям, повторять чужие слова. И не

надо строить из себя святую. Вы по роду своей деятельности постоянно берете чужое. И пусть это нечто не материальное. Но именно вам, присвоившим чужие слова и чужие мысли, достаются аплодисменты публики, ее восторг и обожание. Именно из вас она творит кумиров, хотя вы этого совершенно не заслуживаете. А истинные творцы остаются в тени, незаслуженно забытые.

— Вы опять пытаетесь оскорбить меня. У вас, что хобби такое, оскорблять других. Но только вот я сейчас не буду молчать. Я вам скажу. Вы можете написать гениальную пьесу, но она так и останется пылиться в вашем столе, если не будет актеров, способных донести ее до зрителя. Кто услышит ваши мысли, если на меня не захочет прийти посмотреть зритель. Все хорошо в совокупности. И каждая, даже самая мелкая и незначительная часть целого одинаково важна и необходима. Нет главного и второстепенного. Все одинаково целесообразно. Ваш гений растворится во времени, как дым, если не будет соответствующего ему пространства. Так, что мы с вами в одной упряжке, господин великий Творец!

От изумления Феокистов некоторое время даже не знал, что сказать.

— Вот не ожидал от вас способности рассуждать на подобные темы. Хотя это, скорее всего, монолог из какой-нибудь пьесы. Вас не

затруднит сказать из какой?

— Вы правы, Константин Вадимович. Это великая пьеса под названием жизнь. А мы с вами те самые жалкие актеришки, как вы говорите, которые пытаются сделать из нее шедевр. Но у каждого из нас в этой пьесе своя роль. У одного большая, у другого маленькая. Но только не мы с вами определили друг для друга свои роли, а значит и не нам определять их значимость.

— Чепуха, — фыркнул Феоктистов. — Я мыслящий человек и вполне способен оценить свою ценность для мира и ценность какого-нибудь пропадающего алкаша. А подобные рассуждения удел неполноценных, подобных вам. Хотя вы мне уже не кажетесь такой неполноценной, как раньше. Определенно к вам надо присмотреться. Кажется, вы шкатулка с сюрпризом. За это надо непременно выпить.

Налив очередную рюмку, он выпил.

— Присматриваются и прицениваются на рынке. А я не торгую мыслями по сходной цене. И вообще тут вам не кабак. Забирайте свою водку и уходите. Уходите сейчас, пока вы еще способны держаться на ногах. На этот раз я вас в гостиницу не потащу.

А дальше произошло то, чего Феоктистов совсем не ожидал. Подойдя к нему, она почти силой стала выталкивать его за дверь.

Глава 5

Мысль пойти к Аркашовой пришла к Феоктистову совершенно внезапно. Он лежал в гостинице на кровати, делать было совершенно нечего, и ему снова стало так тошно, что хоть начинай выть. В этом городе ему было одиноко, как, пожалуй, еще нигде. Какое-то ужасное чувство, которое готово в любую минуту раздавить своей непомерной тяжестью грудь. Ему вдруг стало страшно; он зримо представил, как это происходит, что даже пересел на стул. Конечно, был давно проверенный способ борьбы с этим недугом, но сейчас не хотелось к нему прибегать. Сколько же можно пить, да еще в виде сольного номера. Он и так с момента своего приезда сюда только этим и занимается. Вон даже какой-то местной аборигенке пришлось его спасать.

Сам не зная, почему он вдруг стал думать об этой женщине. Она действительно артистка, сегодня он обнаружил ее на репетиции. Правда, как она играет он так и не понял, слишком уж мала и незначительна у нее роль. Скорей всего плохо, иначе бы ей давали роли другого плана. Впрочем, какое ему до этого дела. Увидел, забыл.

Но отмахнуться от мыслей о своей новой знакомой к некоторому для него удивлению сразу

не удалось. Какая-то она все же странная. Несет новость что. А что она там говорила про кошелек, якобы его потеряла, и у нее нет больше денег.

Неожиданно для себя Феоктистов принялся искать кошелек в номере, заглянул, куда только сумел, но так ничего и не нашел. Внезапно к нему пришла одна мысль. Он выскочил на улицу.

Так как город он почти не знал, то поиск нужного магазина занял у него почти час. Но он все же нашел, то, что искал, точно такой же кошелек, как показывала ему эта женщина. Немного поразмыслив, он затолкал туда деньги.

Осталось узнать ее адрес. В этом ему помогла кадровичка из театра. На вопрос, зачем он ему, Феоктистов ответил почти правдой: Аркашова потеряла кошелек, а он его нашел. По лицу женщины он понял, что она не слишком поверила в его версию. Но уж это ему было точно все равно.

Почему-то он был уверен, что Аркашова встретит его с огромной радостью, едва ли не бросится ему на шею. Но ее холодный прием оказал на него воздействие подобно вылитому на него ушату холодной воды. Он покинул ее дом, весь кипя от злости и негодования. Кто она такая, чтобы так пренебрежительно к нему относиться. Он еще ей покажет, скажет режиссеру, чтобы передал ее роль другой артистке. Вот тогда она поймет, как нужно относиться к таким людям, как он. Вот что

он сделает, пойдет к ней еще раз и выскажет все, что о ней думает. Последнее слово должно оставаться за ним. А ведь это ничтожество, поди, думает, что одержала победу над столичным гастролером, вытолкнув его из своего дома. Вспомнив об этом унижении, Феоктистов снова закипел.

На этот раз Феоктистов застал ее в тот момент, когда она ела, как и говорила, картошку с салом. Когда она ему отворила дверь, он сразу же увидел на столе эту нехитрую трапезу.

Сама же Аркашова не скрывала, что крайне удивлена его появлением.

— Это вы? Я не думала...

— Не думали, что я к вам снова заявлюсь, — торжествуя, произнес Феоктистов. — А я вот решил. Да, я нахал. Но что делать, если в этом мерзком городе нет ни одной достопримечательности. Одни серые дома и люди. Кроме вас. Что вы там вчера сказали: «ваш гений растворится во времени, как дым, если не будет соответствующего ему пространства. Так, что мы с вами в одной упряжке, господин великий Творец!» Я ничего не перепутал, запомнил слово в слово. Так вы действительно полагаете, что мы с вами в одной упряжке. И нас везут одни и те же кони. Вот только куда? — Он подошел к столу и сделал вид, что внимательно рассматривает, что на нем

находится. — В самом деле, картошка! Вы меня не угостите, вы ее вчера так расхваливали, что у меня даже потекли слюнки. Лучшая в мире картошка.

— Я не говорила, что она лучшая. Просто хорошая. Если желаете, я вам сварю.

— Да я всю жизнь мечтал отведать вашей картошечки. Можно сказать, и приехал, чтобы ее попробовать, А все остальное, так, для камуфляжа.

— Хорошо, я сварю вам картошки. Только придется подождать.

— Я не тороплюсь.

— Я пойду на кухню, почищу картошку.

— А, можно я с вами, вдруг вы как-то ее и чистите по- особому.

— Как пожелаете. Но боюсь, что аттракцион вам покажется скучным, ничего интересного предложить вам не смогу.

Они прошли на кухню. Аркашова, как и обещала, принялась чистить картошку.

— Сегодня была первая настоящая репетиция. Как вам моя пьеса?

— Ничего. Бывает лучше.

— Вот как! Скажите, пожалуйста. Ну, конечно, как я забыл, в Гамлете, вы, наверное, играли Офелию.

— Я не играла в Гамлете. Мне не нравится эта пьеса.

— Что? — От изумления он едва не свалился

со стула. Вам не нравится Гамлет. А позвольте узнать, почему?

— На протяжении всей пьесы Гамлет не может понять, что с ним происходит, он тычется во все щели, как глупый щенок. Хотя то, что все против него замышляют, всем очевидно. Поэтому и погибает. Я бы на его месте не стала так безрассудно поступать. Скучно смотреть пьесу о не очень умном человеке. Лучше поступать умно, чем рассуждать умно.

— Бедный Шекспир, он и не подозревал, что через несколько столетий у него найдется такой суровый критик. Если он на том свете сейчас слышит вас, у него там начинается несварение желудка.

— Он слышит.

Феоктистов едва снова не свалился со стула. А может, она все же сумасшедшая, прикинул он.

— Как вы можете это знать? Нет, вы все же не нормальная. Объясните.

— Просто мне всегда казалось, что в смерти нет никакого смысла, если она нас нисколько не меняет, если мы и после нее остаемся такими же невежественными и ограниченными. Если что и способно нас сделать всеведущими, то только она.

— Разве со смертью все не кончается?

— Все только начинается.

— Ну да, жизнь после смерти. В общем, театр

продолжается и там. И, наверное, есть те, кто даже пишут там пьесы. А если есть, кто пишут пьесы, значит, есть и те, кто их играет. Значит, без работы мы с вами там не останемся. Впрочем, оставим загробный мир. Лучше скажите, что вам не нравится в моей пьесе.

— Она про любовь, а любви в ней почти нет.

— А что же есть?

— Думаю, в ней есть вы, человек, который не умеет любить, а от того и мучается. Вас это беспокоит, об этом вы и пишете. Все, картошку почистила, через пятнадцать минут она сварится.

Феоктистов вскочил со стула.

— К черту картошку! То есть, картошка — это замечательно. Но что, по-вашему, означает не уметь любить?

— Любовь — это путь к Богу, а человек, которого вы любите, — это дверь, через которую он заходит на этот путь. А у вас все ровно наоборот, все ваши герои любовь стягивают, как одеяло, исключительно на себя. От того и несчастны.

— Не считайте меня за идиота! Конечно, есть и такая любовь, но я пишу о любви грешной. И о грешных людях. О таких, как мы с вами. А вы мне читаете проповеди, как в церкви. Вам никогда не хотелось уйти в монастырь, стать монашенкой. Кстати, а вы случайно не девственница?

— У меня есть сын, он сейчас у мамы в

деревне. Я была замужем десять лет.

— Хотя бы это хорошо. Терпеть не могу девственниц. Для меня девственница такая же аномалия, как Бермудский треугольник. Или даже похуже.

— Почему вы меня все время оскорбляете. Вы что таким образом защищаетесь от меня?

— Я от вас защищаюсь?! Да кто вы такая! Вы меня раздражаете, действуете, как красная тряпка на быка. Строите из себя развратницу-монашку.

— Мне кажется, будет лучше, если вы уйдете.

— А картошка. Я хочу попробовать вашей картошки.

— Картошку можно съесть, где угодно. Я вас прошу, уйдите. Нам не надо встречаться, мы — антиподы.

— Кто мы?

— Антиподы — это противоположные точки на земном шаре. Нам не понять друг друга. Мы из разных миров.

— А кто говорил, что мы в одном экипаже. Что без вас нет меня, а без меня — вас. Что-то вы не последовательны.

— Я ошибалась или преувеличивала. Мы вполне можем обойтись друг без друга. Хотите, я вообще не стану играть в вашей пьесе. Роль у меня

маленькая, любая актриса меня заменит.

— Ну, уж нет. Вы так легко от меня не отделаетесь. Вообразили себя наместником Бога на земле! Рассуждаете о творчестве, о любви, как о своей картошке. А что вы во всем этом понимаете. Хотите пари, что вас бросил муж.

— Да, бросил, — спокойно подтвердила Аркашова. — Но это вас нисколько не касается. Прошу вас, уйдите. И не приходите ко мне больше. Вы из тех, кто приносит несчастье в первую очередь самим себе. А значит, и всем, кто с вами близко соприкасается.

— Да, вы просто боитесь меня.

— У меня нет причин вас бояться. Но я стараюсь держаться по возможности подальше от таких людей, как вы. Я дала себе такое слово уже давно. И не вижу причин его нарушать.

— Говоря прямым языком, вы меня выставяете вон.

— Я прошу вас уйти и не приходите. И вообще, давайте ограничим наши отношения исключительно деловыми рамками. Так будет лучше для нас обоих.

Взгляд Феоктистова упал на кастрюлю, в которой кипела вода.

— Картошка сварилась, — сказал он.

— Я могу дать ее вам домой. — Не спрашивая у него согласия, она быстро достала картошку из

воды, завернула ее в фольгу, фольгу положила в пакет и протянула его Феоктистова. — Вот возьмите.

Феоктистов взял пакет, и, не сказав больше ни слова, вышел.

Глава 6

Папаша Карон сидел за столом в своей мастерской мрачнее тучи. Вот уже почти полчаса он никак не мог сосредоточиться на работе. Целых полчаса! Невиданное для такого человека, как он, дело. Его мастерская завалена заказами, у него нет отбоя от клиентов. Самые влиятельные вельможи Парижа стремятся заказать часы именно у него. А все потому, что он стал непревзойденным мастером своего дела. Всю свою жизнь он положил на это, работал, как каторжный день и ночь, совершенствовал свое мастерство и все-таки добился своего. Он стал первым в своем ремесле. Его часы не просто механизм для отсчета времени, а произведение искусства. Каждый их экземпляр неповторим и единственен в своем роде.

Сколько Карон себя помнил, он старался каждые часы, выходящие из его рук, наделить особым, свойственным только им одним своеобразием. Отделка корпуса, роспись циферблата, декор стрелок и цифр — все было

уникальным. А все потому, что ему нравилось свое дело. Если бы не почтенный возраст, он продолжал бы трудиться в своей мастерской целыми сутками. Но коварные годы, увы, берут свое. Его глаза утратили былую зоркость, а пальцы легкость и подвижность, суставы болят. Да и спина что-то стала слишком часто напоминать о своем существовании. Остается одна надежда на сына. Именно его Карон намеревался сделать достойным преемником своего бизнеса.

Пьер способный малый, но очень безответственный, размышлял Карон о своем отпрыске, из него может выйти отличный часовщик, не хуже своего отца, а может, даже и лучше. Но для этого нужны желание и упорство с его стороны, а вот этого как раз ему и не достает. И где носит этого несносного мальчишку! Вот уже два дня он не показывается в мастерской. Возмутительная дерзость со стороны этого оболтуса.

Карон покосился на большие каминные часы, показывающие девять часов утра. На лице его отразилось сильное недовольство. Карон вскочил со стула и стал нервно прохаживаться по мастерской. Вдруг он остановился, заслышав звуки стремительных шагов на лестнице. В тот же момент дверь распахнулась, и в мастерскую влетел запыхавшийся Пьер.

— Доброе утро, отец! — Пьер учтиво склонил голову в поклоне. Однако его озорные глаза выражали совсем другое состояние. Карон усмотрел в них одну сплошную дерзость и своеволие.

— Утро бывает доброе только в одном случае, если вы его встречаете с восходом солнца, — проворчал Карон, сердито хмурясь, — А, вы, молодой человек, изволите слишком долго спать.

Пьер рассмеялся и продекламировал на распев несколько только что сочиненных им строк.

Мечтою дерзкой мысль объята
Зачем мне солнца луч златой,
Когда единственной усладой
Стал взгляд красавицы младой.

— Так вот чем занимался мой сын, — съязвил Карон, — Вы всю ночь напролет пачкали бумагу.

— Ах, отец! Вдохновение вещь такая непостоянная, — скорчил смешную гримасу Пьер, — А у меня с этой капризной дамой давний роман. Не мог же я указать ей на дверь, когда она прошлой ночью так внезапно посетила меня.

— Вы уже два дня не появляетесь в мастерской. Не слишком ли ваше романтическое свидание затянулось. — Карон старался говорить спокойно, но в груди его все больше и больше

нарастало возмущение.

— Что вы! Я посвятил этой милой прелестнице всего одну ночь. — Пьер сделал несколько танцевальных па, закружившись вокруг отца, — Но, что поделаться, если я так любвеобилен. Моя другая возлюбленная не менее прекрасна. Вот послушайте:

Все, что я вижу, раздражает
За что мне злобность этих мук.
Одно лишь сердце оживляет
Мелодий дивных нежный звук.

— Я прекрасно осведомлен об этой вашей страсти, — постепенно закипая, процедил Карон. — Более того, идя на уступки вашей слабости, я позволил вам скрипку и флейту, но при особом условии. Извольте вспомнить каком?

— Условие простое. — Пьер слегка подпрыгнув, уселся прямо на стол, где обычно священнодействовал его отец, и беспечно закинул ногу на ногу. — Мне позволено играть только после ужина в воскресные дни и иногда днем, если это не будет нарушать покой соседей и ваш.

— Так почему у вас хватает дерзости не соблюдать это условие? — Карон уже едва сдерживал себя, чтобы не перейти на крик. — И встаньте с моего стола!

— Позвольте вам заметить, что я соблюдаю его самым тщательным образом. Разве я нарушил хоть раз ваш покой? — Пьер спрыгнул со стола и остановился перед отцом с видом глубочайшей покорности.

— В том то вся и беда, что вы перестали нарушать мой покой не только музыкой, но и своим присутствием вообще. Вы забросили работу в мастерской, вы проводите непозволительно много времени вне дома, вы запутались в долгах. Неужели вы думаете, что так может продолжаться вечно.

— Но, отец, жизнь полна соблазнов и манит неизведанными наслаждениями. А молодость так быстротечна!

— Вы рассуждаете с непозволительной для нашего сословия легкомысленностью, — все больше закипая, произнес Карон. — И даже молодость не прощает вам этого.

— Но вы же сами потакали моим слабостям, — удивился Пьер.

— Потакал, пока они мне казались безобидными! — Карон не мог более сдерживать себя и перешел на крик, — Потакал, пока они не угрожали делу! И отныне я буду требовать от вас соблюдения порядка и дисциплины. Иначе вы никогда не достигнете вершин мастерства в нашей профессии, а останетесь просто часовщиком — ремесленником. — Выплеснув ушат эмоций, Карон

немного успокоился.

— Чем же, по-вашему, плох искусный ремесленник? — беспечно пожал плечами Пьер.

— Таких мастеров полно в нашей округе, — уже совершенно успокоившись, произнес Карон. — Вы же должны быть первым в нашей профессии. Я хочу видеть в вас художника, артиста часового мастерства!

— Но разве не вы мне говорили, что я талантлив. Разве не достаточно одного таланта, чтобы стать виртуозом нашего дела? — недоумевал Пьер.

— Талант нужен для того, чтобы вы осознали свои выдающиеся способности и начали творить. Но сначала это будет праздное творчество. После праздников, после упоения первыми успехами всегда приходят трудовые будни. Запомни это, сын мой — назидательно молвил Карон.

При этих словах отца, Пьер резко поскущел.

— Но ведь это так скучно, и где же вы здесь видите творчество? В монотонном и однообразном труде?

— Только изнуряющая работа, не покладая рук, выведет ваш талант на свет божий и позволит ему засверкать всеми своими гранями, — продолжил наставлять Карон сына.

Однако и Пьер в свою очередь продолжал отстаивать свою точку зрения.

— Но, если я последую этим путем, значит прощай музыка, прощай литература, — снова возразил он отцу.

Упрямство сына вывело Карона из себя.

— Довольно! — резко прервал его Карон. — Я вижу только один способ пресечь ваши безумства. Отныне вы будете самым тщательным образом выполнять все мои требования. Иначе я откажу вам от дома, лишу содержания и родительского благословения.

Карон подошел к столу и взял с его поверхности несколько листков бумаги, исписанным размашистым почерком.

— Прочтите этот документ. — Карон протянул бумаги сыну, — В нем я подробно изложил условия вашего дальнейшего существования в моем доме.

Пьер взял бумагу и принялся читать вслух: «Вы будете вставать летом в шесть часов и зимой в семь, и работать до ужина, не отказываясь ни от чего, что бы я вам не поручал. Я надеюсь, вы употребите таланты, данные вам богом, на то, чтобы стать знаменитым в нашей профессии. Помните, что позорно и бесчестно для вас унижаться в ней и что если вы не станете первым, вы не заслуживаете никакого уважения. Любовь к этой прекрасной профессии должна проникнуть в самое ваше сердце и занимать полностью ваш

ум...»

По мере того, как он читал, вид его становился все более и более потерянным. Наконец, он закончил и опустил руки, пальцы его разжались, и листы веером опустились на пол.

— Я надеюсь на ваше благоразумие, Пьер, — отчеканивая каждое слово, веско произнес Карон. — А теперь к работе.

Пьер нагнулся и подобрал бумагу, немного постоял, словно раздумывая над чем-то очень важным, и покорно произнес: «Я принимаю ваши условия, отец, и я отныне полностью в вашем распоряжении».

Глава 7

Аркашова вышла из театра, больше в нем никого не было, не считая охранника. Он-то за ней и запер дверь. Едва она оказалась на улице, как сразу же попала под проливной дождь. Пришлось доставать зонт, но пока она это делала, изрядно промокла. А теперь еще ждать трамвая, в это позднее время он ходит не часто.

Но на этот раз ей повезло, на остановке пришлось стоять недолго, громыхая на всю улицу, тяжело и важно подкатил трамвай. Слава богу, через каких-то полчаса она будет в доме, где тепло и сухо.

Она уже занесла ногу на подножку трамвая, как кто-то сзади схватил ее за талию и не пустил дальше в вагон. Она скосила глаза и увидела позади себя мужчину. В темноте она не признала, кто это мог быть.

— Что такое? Что вам от меня надо? Почему вы меня держите? — возмущенно произнесла она.

— Не кричите так, — ответил мужчина знакомым голосом. — Это не вор, а можно сказать ваш благодетель, в пьесе которого вы получили роль. Скоро придет другой трамвай, и вы уедете.

Теперь она его узнала, но это обстоятельство никак не убавило ее возмущения.

— Да, следующий трамвай придет через полчаса. В этот час они ходят крайне редко. Здесь вам не Москва.

— Это я уже понял, — вздохнул Феоктистов. — Хотите, я вас отвезу на такси?

— С какой стати. Почему вы должны привозить меня домой на такси?

— Вы что боитесь, что кто-то увидит и пойдут разговоры?

— Это как раз меня волнует меньше всего. Хотя в таком не слишком большом городе сплетни распространяются с космической быстротой.

— Тогда чего же вы боитесь?

— Я не люблю ни от кого зависеть. А уж от вас тем более.

— И вы не боитесь, что можете потерять роль?

— Мне бы не хотелось ее терять, но, если это случится, я переживу.

— А, может быть, немного пройдемся хотя бы до следующей остановки. Мне сегодня вечером что-то стало невмоготу. Сидишь один в пустом номере, словно в камере одиночного заключения и так мерзко, что даже выпить не хочется, а это уже опасно. Решил прогуляться и увидел вас.

Аркашова нерешительно и одновременно испытующе посмотрела на него, словно пытаюсь понять, не шутит ли он.

— Хорошо, пойдете. Но только до следующей остановки.

Феоктистов насмешливо рассмеялся.

— Разумеется, если мы с вами пройдем больше, может случиться что-нибудь непоправимое. Например, нарушится порядок во Вселенной. А почему вы так поздно возвращаетесь? Все репетиции давно закончились, в сегодняшнем спектакле, насколько я знаю, вы не заняты. Что же вы делали так долго в театре?

— Мне повезло. Неожиданно уволилась уборщица, и я вызвалась ее заменить. Я сумею кое-что заработать.

— И это вы называете везеньем? — В голосе Феоктистова прозвучало откровенное недоверие.

— Я понимаю, но, у каждого свой взгляд на эти вещи. Глядя с моей колокольни, я считаю, что мне повезло.

— Не могу понять я вас. Что движет вашей жизнью? В театре вы на вторых ролях, живете черт знает в каких условиях, вынуждены до ночи отмывать свой театрик от дневной грязи. И при этом уверены, что все идет так, как и должно идти и ничего лучше быть просто не может.

— Я действительно в этом уверена. Благодаря этому мне так легче жить. А вот вам жить очень трудно. А знаете, почему?

— Не знаю, но жажду узнать. Почти не сомневаюсь, что сейчас услышу великое откровение.

— Вам трудно жить, потому что вы в жизни заняты только одним делом вы носите с самим собой. И пьесу написали о человеке, который до конца своих дней был занят тем же самым.

— Но он был гениальным человеком. А разве гений не должен посвятить свою жизнь самому себе.

— Но был ли ваш гений счастлив. Даже если и был, то не больше, чем самый обычный смертный. Если бы он меньше носился с собой, то он бы и написал больше замечательных пьес. А так всего две.

— Да причем тут количество. Да хоть бы

одну. Да хоть бы полпьесы, но замечательную!

— Вы правы, количество тут ни при чем. Но сколькими ненужными, пустыми делами он занимался, сколько сил растратил на всякую ерунду. Когда я узнала, что мы будем ставить вашу пьесу о Бомарше, то перечитала много о нем книг и поняла, что большая часть его таланта ушла в песок. Он сделал лишь незначительную долю из того, что мог сделать на самом деле. Мне кажется, в этом и заключается его настоящая драма.

— Я так и полагал, что вы не согласны с моей интерпретацией его жизни и поступков.

— Мне кажется, что в действительности вы писали о самом себе. Ему и вам были даны ключи, но вы не сумели ими ничего открыть. В тот момент, когда вы должны были начать служить другим, вы подумали, что с этого момента это другие должны служить вам. Вместо того, чтобы освободиться от груза прошлого, вы стали им наполняться. Вас обоих стали переполнять тщеславие, честолюбие, жажда денег и наслаждений. Вы не захотели служить, вы прониклись уверенностью, что это мир должен с вами расплатиться по счетам за ваш талант.

— Но разве гению не должны как раз служить все остальные. Он их обогащает своим содержанием.

— А вот и та самая остановка, к которой мы

шли. И дождь усиливается. Как повезло, вон идет трамвай.

Феоктистов вдруг почувствовал сильное недовольство таким развитием событий, он не желал себе признаваться в том, что разговор его захватил и прерывать его ему не хотелось.

— Подождите, мы не договорили, — попытался остановить он ее.

Но в отличие от него, судя по всему, Аркашова такого интереса к разговору не испытывала.

— Извините, но мне надо домой. И я не думаю, что нам надо продолжать наши диалоги. В них нет никакого смысла ни для вас, ни для меня. До свидания.

Трамвай подошел к остановке, его дверца отъехала в сторону, и Аркашова быстро вскочила в открывшийся проем.

Какое-то время Феоктистов смотрел в след отъезжающему трамваю, пока он не исчез в пелене дождя. И только в этот момент он вдруг вспомнил, что с небес хлещет самый настоящий ливень, а его зонт тащится по земле. Он поспешно закрыл себя им от холодных струй и направился в гостиницу. Опять придется пить, тоскливо подумал он.

Глава 8

Пьер Карон, склонившись над столом, стремительно водил пером по листу бумаге. Закончив писать, он отбросил перо и вслух стал читать только что написанное. Сей документ не много ни мало гласил следующее:

«С 13 лет я обучался у своего отца часовому делу, поэтому неудивительно, что воодушевленный его примером и внявший его советам серьезно работать над усовершенствованием часового механизма, в 19 лет я решил отличиться и добиться общественного признания. Спусковой механизм часов давно занимал мое воображение, мысли о том, как устранить его недостатки, упростить и усовершенствовать его устройство не давали мне покоя. Конечно, мое предприятие было довольно дерзким. Множество великих людей, равным коим я никогда не мог бы стать, несмотря на все свое усердие, трудились над решением этой проблемы, но так и не смогли добиться желанного результата, так что мне и не стоило даже браться за это, но молодость самонадеянна, и, возможно, господа, моя дерзость будет оправдана, если вы признаете мои достижения. Но какое же разочарование постигнет меня, если господину Лепоту удастся с вашей помощью отнять у меня лавры моего открытия! Я уж не говорю о тех оскорблениях, коим господин Лепот публично осыпает меня и моего отца, но, как правило, подобные вещи свидетельствуют о

безнадежном положении того, кто их предпринимает, тем самым он покрывает себя позором. Мне будет достаточно, господа, если ваше решение вернет мне славу, которую хочет отнять у меня мой противник; надеюсь на вашу справедливость и вашу компетентность. Карон-сын».

Пьер довольно улыбнулся, отбросил написанное, и порывисто встал со стула.

— Кажется, неплохо получилось, — горячо воскликнул он. — Я попытался вложить в это письмо все свое презрение к посредственности, нигде прямо не выказывая его и не оскорбляя тех, кто заслуживает это звание. Поймут ли те глупцы, кому адресовано мое послание, что речь идет совсем не об изобретение анкера. Что анкер! Придумать его оказалось не так уж и сложно. Конечно, пришлось попотеть, не один месяц и даже год. Но разве не ясно, что когда-нибудь все это придумал бы кто-то другой. Нет, это только начало чего-то гораздо большего.

Пьер взволнованно прошелся по комнате, прежде, чем продолжить далее монолог с самим собой.

— Я знаю, этим важным господам — продолжал он, — кажется, что они гораздо выше меня, что они вершители судеб, боги, сошедшие на землю. И им одинаково легко меня раздавить и